

***CRITICA ET BIBLIOGRAPHIA***

---

**Nyelv, stílus, irodalom.** Köszöntő könyv Péter Mihály 70. születésnapjára. BAŃCZEROWKI Janusz, HAN Anna, KASSAI Ilona, NYOMÁRKAY István közreműködésével szerkesztette ZOLTÁN András. Budapest 1998, 646 p.

Книга, посвященная 70-летию профессора Михая Петера, представителя единой (и неразделимой) филологической дисциплины, открывается вступительной статьей, принадлежащей перу редактора сборника *A. Золтана*. В ней следующими словами характеризуется научный диапазон юбиляра: «Уже при рассмотрении круга научных тем, разработанных в докторских работах юбиляра, создается представление о широте его научного кругозора. По свидетельству самохарактеристики творческого пути юбиляра, он пришел к лингвистической науке, пройдя литературоведческие студии, по этому, по его собственному признанию, «лингвист должен быть человеком, глубоко понимающим и переживающим художественную литературу». Тематический круг его лекционных курсов охватывает научные дисциплины от введения в славистику через историческую грамматику и филологию, вплоть до истории русского стихоизложения и стилистики, а также до новейшей стадии истории русского литературного языка и основных процессов в развитии русской разговорной речи» (с. 5).

Список научных публикаций Михая Петера содержит четыре монографических труда, 89 научных статей (до 1998 г.), и кроме этих работ мы должны упомянуть еще о множестве рецензий, критических отзывов и статей, написанных по поводу научных событий.

Монографические труды и статьи, опубликованные на английском, французском, немецком языках, но все-таки в основном на русском языке, являются живым доказательством тех вершин филологической мысли, которые достигнуты юбиляром в области лингвистической славистики, стилистических и филологических исследований.

Желая преклониться перед этими вершинными достижениями научного пути юбиляра, рецензент этого сборника должен осознать, что ни собственная эрудиция, ни жанровые рамки рецензии не позволяют ему охватить все статьи сборника в их полноте. Автору рецензии придется довольствоваться тем, что в случае тех статей, которые он считает для себя релевантными, дать короткую характеристику их основной мысли, а в случае других статей, он должен ограничиться лишь названием темы.

В статье белорусского ученого *H. Н. Олехновича* исследуется эмоционально-структурная эффективность в процессе «адфразеологического» словообразования. *Ю. Д. Апресян* излагает типы информации данные в словаре и основные принципы (интегральность, системность), лежащие в основе нового толкового словаря синонимов русского языка. Статья *Дениз Атанасовой-Соколовой* посвящена изучению эпистолярности в романе в стихах Пушкина «Евгений Онегин», а в статье *Натальи Бадран* дискусируется несколько вопросов художественного перевода. *Я. Банчеровский* излагает свои мысли об аксиологическом осмыслении нарушения максима Грайса.

В статье *Д. Бебеши* освещаются манипуляции зубатовщины в истории русского рабочего движения. В работе *Л. Бенкё* убедительными этимологическими разыска-

ниями доказывается происхождение венгерского топонима *Borzsova/Borsova*, который, на взгляд автора, никак не может быть связан с именем собственным *Bors*. Статья Г. Бихари посвящена анализу перифрастических конструкций польского языка; статья Д. Бинь анализу ценностной функции языка жестов в литературном языке на основе концепции видного чешского ученого Яна Мукажевского. К. Болла освещает модификации супрасегментальных конструкций русского языка, Агнеш Даниэль исследует причины переводческих недочетов/неточностей в процессе перевода с французского языка на венгерский. В статье Эдит Дейши освещаются формы сочетаемости с основными образными структурами, связанными с метафорическим осмысливанием человеческого глаза и взгляда, а в работе П. Фабиана анализируются смысловые соответствия венгерского слова *sarok* ‘пята; угол; полюс’ в итальянском языке.

В статье О. Федосова рассматриваются типы выражения подлежащего личными местоимениями в чешском языке на уровне pragматического анализа, а в статье Эржебет Фехер освещаются два основных термина «интенциональность» и «текстуальность» для исследований в области теории текста. И. Феньвеши представляет методы работы над русско-венгерским словарем сленга, а в работе С. Филиппова дается исторический обзор и анализ подчинения русской церкви царской власти.

И. Фонадь разделяет свои мысли с читателем о когнитивной интерпретации метафорических образований и излагает «в какой степени и каким образом психоаналитическая теория человеческих инстинктов может способствовать пониманию когнитивных метафор». Согласно этому подходу, термин *когнитивный* относится, с одной стороны, к характеристике метафорических образований в процессе познавательной деятельности, с другой стороны, его можно отнести к тем популярным теориям метафоры, которые стали общепринятыми в когнитивной науке<sup>1</sup>. На взгляд ученого, восприятие понятийных структур как заранее заданных рамок, может препятствовать адекватному осмысливанию процесса метафоризации как креативной (поэтической или научной) деятельности; и наоборот, если мы эти понятия рассматриваем как динамические явления, итоги процесса метафорического смыслообразования, то они могут способствовать адекватному научному осмысливанию.

Ева Фельди в своей статье сосредоточивает внимание на фонетических конструкциях и темпоральных параметрах в процессе словесного изложения на польском литературном языке, а Магдольна Галлаши — на исторических аспектах исследования способов выражения презентации познанного/непознанного. Польский исследователь Г. Газда дает характеристику некоторых признаков магического реализма; Мария Гоши исследует взаимосвязи типографии (буквы разной величины в учебниках) и процесса понимания, усвоения учебного материала. В статье Анны Дивичан исследуются особенности процесса коммуникации в области естественного языка и в области культуры, а в статье Марии Дёндёши — типологические взаимосвязи в поэзии Гейне и поэтической культуры русского символизма. З. Хайнади анализирует систему взаимосвязей между действительностью и языком символизации.

Концепция работы Анны Хан свидетельствует об углубленном изучении поэтики Анны Ахматовой. В процессе анализа стихотворного текста, при комплексном изучении композиции, поэтической интонации, лексико-семантической ткани и лирической атмосферы, исследовательница приходит к выводу о том, что риторическая формула хиазма, лежащая в основе структуры стихотворения, при регressivem ходе семантической и pragматической интерпретации делает возможным переживание и переосмысливание в пределах современного лирического опыта архаических словесных и познавательных актов.

Ф. Хаваш, освещая вопрос об источниках полемики о «натуральном» или «конвенциональном» характере языка в истории философии языка, указывает на то, что в формировании лингвофилософской концепции Платона мог сыграть свою роль

<sup>1</sup> См., например: LAKOFF G.–JOHNSON M. *Metaphors We Live By*. Chicago–London 1980.

характер греческого языка, как *par excellence* представителя языкового номинализма. Статья *Агнеш Хаваши* посвящена анализу народного молитвенного стиха (см. об этом понятие ритуализированного текста, предложенное в статье Яноша Пентека в юбилейном сборнике в честь Золтана Сабо). В статье *Вероники Хе* излагаются методологические проблемы написания историко-литературной монографии и взаимоотношения научности и объективности. В работе *Й. Хермана* анализируются те закономерности языкового сознания жившего в VI в. Григория Турского, которые освещают его связи с латинским языком и стилем.

*Жужса Хетени* пишет о конференции, посвященной русско-еврейской литературе, прошедшей почти сто лет назад (1908), и о значимости этого события для современности. *Юдит Хиддии* дает характеристику в плане fuzzy-logic словесного употребления в японском языке. *А. Холлош* анализирует недоразумения в венгерском переводе гоголевского слова *гусар* ‘бумажная трубочка, начиненная табаком’. *Эржебет Хорнок-Ухрин* дает характеристику регионального употребления словацкого языка в церковных приходах г. Бекешчаба. *Каталин Хорват* исследует составные слова в венгерском языке, применяя принципы лингвистической концепции Яноша Жилки о диалектическом единстве двух категорий: языкового состояния и языкового процесса. В статье *С. Янурика* пишется об американцах в современном русском языке под влиянием компьютерной лексики, а в статье *Л. Яси* — об одном, ставшем классическим в языкоznании вопросе в связи с противопоставлением видовых глагольных пар. *Д. Карпати* излагает свою концепцию о принципах последовательности в процессе редактирования последних известий в русских и венгерских средствах массовой информации. *Илона Кашиаш* аргументирует свою концепцию об основном значении эмоций детской речи в высказываниях.

*Эльвира Катуш* посвящает свою статью рассмотрению примеров синонимических рядов в области фразеологии венгерского и болгарского языков. *Г. Кемень* анализирует определение категории стиля, предложенное юбиляром, Михаэлем Петером, в контексте современной науки и подчеркивает научную продуктивность этого определения. *Борбала Кеслер* исследует те слова и выражения в венгерском языке, которые имеют вводную функцию, а *Ф. Кифер* обращает внимание на такие важные языковые явления, как омонимия, полисемия и семантическая неопределенность. *Т. Кии* предлагает в своей статье современное определение языкового сленга, *Е. Кии* обращает внимание исследователя на изменения отношения общеязыковой нормы в венгерских диалектах. *Л. Кии* разделяет с читателем воспоминания о своих бывших профессорах — о Л. Хадровиче, И. Книеже, Э. Балецком, — используя при этом мемуарные записи А. Фодора. *Й. Крекич* анализирует семантику и pragmatику русских глаголов в повелительном наклонении, а *Каталин Кро* — механизмы действия текста и метатекста в нарративной структуре произведения Достоевского «Двойник». *Каталин Куглер* пишет о необходимости присутствия риторики как науки при подготовке к публичным выступлениям.

В статье *Марии Ладани* рассматриваются проблемы словообразования в венгерском языке в духе теории Дресслера о понятии продуктивности, о двух типах креативности: о креативности, которая соблюдает языковые правила, и о креативности, которая нарушает их. В статье *Илоны Лакатош* исследуется дополнительная стилистическая значимость, которая возникает в венгерском синтаксисе при предикативном отношении, основанном на эквивалентности двух членов предложения, а в статье *Андреи Лаки* анализируется синтаксическое значение суффиксов прилагательных в русском языке. *Виктория Лебович* исследует мотивную структуру рассказа Г. Квитки-Основьяненко «Салдацкий патрет», а *Юлианна Лёринц* проводит сопоставительный анализ венгерских переводов стихотворений Есенина с оригиналом. *Валентина Мороз* подытоживает работу над современным белорусским энциклопедическим словарем. В статье *Марии Д. Матаи* дискутируется подход к языковым изменениям в венгерском языке. В совместной статье *Эржебет Майер* и *Тамаша Сенте* анализируется стихотворение Пастернака

«Гамлет» в сопоставлении с венгерским переводом. *Кристина Меньхарт* исследует стилистические особенности болгарских заклятий, наводящих порчу, а *П. Милошевич* анализирует поэтическую космогонию Васко Попы (1923–1991), создателя лирического абсурда в сербской литературе. *И. Надь*, используя концепцию Б. Г. Немета о типологическом варианте стихотворной речи, обращенной к самой себе, исследует языковой статус этого типологического варианта, а *Л. Надь* характеризует асимметрическое отношение соматических фразеологизмов в немецком и русском языках и их межъязыковую связь.

*И. Ньюмаркаи* проводит сопоставительный анализ венских грамматик с венгерскими и славянскими грамматиками XVIII–XIX вв. *A. Орос* анализирует уменьшительные суффиксы русского языка в семантическом плане, а *И. А. Осипова* — тексты современной русской журнальной публицистики в плане языковой pragmatики. *Каталин Палаши* рассматривает роль копулы в составных номинативных конструкциях в роли сказуемого. В статье *Ф. Паппа* предлагается анализ перевода А. Галгоци романа в стихах Пушкина «Евгений Онегин». *П. Петрович* рассматривает категорию аспектуальности и формы ее компенсации в тех языках, в которых нет соответствующей грамматической категории. *М. Павичич* дает характеристику новых учебников словенского языка для иностранцев. *И. Пете* рассматривает явление синонимии в утвердительных и отрицательных предложениях. *Ф. Пустаи* анализирует аффективное значение новых словообразований в венгерском языке. *Жужсанна Радуй* освещает происхождение таких сложносоставных слов в венгерском языке, как *kékharisnya* ‘синий чулок’, *kékszakáll* ‘синая борода’, *kékvér* ‘голубая кровь’. *Мария Рев* рассматривает поэтические формулы чеховского стиля, не поддающиеся рациональному объяснению. В статье *Г. Ронаи* исследуются транзитивные глаголы русского языка, употребляемые без дополнения, а в статье *П. Шиптара* проводится анализ альтернации венгерских гласных нижнего подъема в исходе основы. *Марцелина Шпанрафт* исследует когнитивную семантику венгерского глагола *merül* ‘погружаться’ на примере поэтического словоупотребления.

В целом ряде статей юбилейного сборника предлагается новый научный подход в области исследований основных литературоведческих и лингвистических проблем. Такой новый подход применяется у Эдит Саламин в области разговорного русского и венгерского языков; у Г. А. Санто в истолковании некоторых основных проблем, возникших вокруг интерпретации пьесы Маяковского «Баня»; у И. Саттари в области сопоставления терминов «литературный язык» и «языковой стандарт». Д. Сене, опираясь на филологические разыскания русского ученого Романа Якобсона, венгерского ученого Аурела Фёрстера, а также финнского исследователя Антиллы, рассматривает филологию как модель единого человеческого духа. Жофия Силади выявляет новые возможные связи при сопоставительном анализе отдельных произведений А. Чехова и Д. Костолани. Лена Силард интерпретирует восприятие поэзии Новалиса в эстетической и поэтической системе Вяч. Иванова в культурном контексте русского символизма. В статье С. Сивриева в новом освещении предстает присутствие классической библейской и мифологической традиции в основных поэтических мотивах от Христо Ботева до З. Соянова.

Исключительно милым, дружеским жестом выразил свое почтение юбиляру Д. Сёке, сочинив приветственное послание в полуслугливом тоне, выдержанном по строгим правилам онегинской строфы. В двух онегинских строфах адресат приветственных стихов предстает в окружении своих учеников и своих исследовательских тем. Система рифмовок заслуживает особой похвалы со стороны рецензента. Парные рифмы как будто запечатлевают этапы жизненного и творческого пути юбиляра.

В статье Л. Сёке содержится систематизация различных типов украинско-церковнославянского языка. В статье Ч. Тисоцкого дается анализ языкового арго русской лагерной жизни. Л. Том посвятил свою статью некоторым вопросам глагольного вида и императива в свете концепции, предложенной в статье Р. Бенаккьо, а С. Том — про-

цессу изменения названий улиц в Венгрии в последнее десятилетие. Статья *И. И. Тишкиной* предлагает анализ разных типов взаимосвязанности между словесными высказываниями автора и персонажей на материале одного из рассказов М. Булгакова. Статья *И. Удвари* ознакомляет читателя с русинскими буквами, появившимися в XVIII в. Эржебет Вари рассматривает понятие жанра поэмы в русской литературе, а *И. Виг* — историю термина гласных и согласных в хорватском языке. Юдит Вихар даёт обзор разных типов обращения в русском, венгерском и японском языках. Г. Вернике представляет картину исторических изменений конечных носовых согласных в праславянском языке. Бернадет Задрович описывает надгробные надписи на хорватском языке в регионе средне-западной Венгрии. Статья А. Золтана посвящается тем работам Ш. Кёреши-Чома, которые затрагивают вопросы славистики. В статье Жужанны Зельдхейи проводится сопоставительный анализ стихотворения Пушкина «Зимний вечер» с его венгерским переводом Лёринца Сабо, а в статье Марии Жилак исследуются опыты художественного перевода на языке словаков, живущих в Большой венгерской низменности.

Реценziруемая нами книга многими своими качествами выделяется среди юбилейных изданий, и этим самым особо достойным образом приветствует юбиляра. Такими качествами можно назвать твердую обложку книги, на которой тонкой рукой и знающим глазом Анны Хан помещена в качестве орнамента русская народная графика, рисованный лубок под названием «Древо разума», тем более, что этот рисованный лубок был исполнен безымянным мастером как единичный экземпляр для поздравления своего друга со следующей надписью на обратной стороне: *Сильь листомъ дарю любезнаго дрѣга*. В сборник включены статьи ста авторов, которые своими филологическими разысканиями обогащают опыт восприятия и осмыслиения научных достижений юбиляра. Такие достоинства сборника, как высококачественная редакторская работа, стремление к согласованию различных типографических решений в статьях ради лучшей ориентации читателя заслуживают особой похвалы в адрес главного редактора сборника А. Золтана и его технического редактора С. Янурика.

Да позвольится рецензенту внести свой вклад в чествование юбиляра в форме изложения одной научной темы, поднятой на XX съезде Венгерской прикладной лингвистики. Особая дискуссия за круглым столом была посвящена вопросу о создании единой филологической науки, и по этому поводу был сделан тематический обзор пути дифференциации и нового возможного синтеза литературоведения и языкоznания. Ц. Д. Кальман в открывшем дискуссию докладе выдвинул такие области изучения, которые могут способствовать согласованию исследовательских аспектов литературоведения и языкоznания, а также взаимному использованию достижений отдельных дисциплин или синтетическому применению их методологических подходов на новом этапе современной науки.

С точки зрения поставленного на съезде научных вопросов, особую область предлагаёт исследование риторических фигур (именно эта научная задача была выдвинута в центр исследовательской группой по стилистике при Будапештском университете им. Л. Этвеша, основанной в 1999 г. профессором И. Сатмари. Не менее плодотворную область для сотрудничества литературоведов и языковедов предлагают теоретические и практические задачи стилистического анализа. Многоаспектуальное литературоведческое исследование не может обойтись без достижений лингвистических исследований, но и лингвистические исследования не могут упустить из поля своего кругозора возможности литературоведческого подхода в процессе изучения и интерпретации художественных текстов. Для современных исследований текста в духе интегративного подхода оказывается неизбежным применение как методов лингвистики, так и литературоведческих методов.

Так как юбиляр, кому посвящена рецензируемая книга, является истинной преподавательской личностью по призванию, мы считаем нужным посвятить несколько слов и дидактическим аспектам филологической науки (трудно представить, чтобы

в общеобразовательной системе отдельный преподаватель вел уроки по истории литературы и отдельный преподаватель обучал родному языку). Как это засвидетельствовано автобиографическими исповедями юбиляра и воспоминаниями его учеников, в личности Михая Петера воплощено то качество профессора-преподавателя, благодаря которому он способен своими филологическими размышлениями, поощрять в своих студентах стремление требовательного подхода к изучаемому предмету.

Пусть станет эта рецензия поклоном перед профессором Михаэлем Петером в духе единой филологии. Но и пусть включится в наше приветствие и воссоздание памяти Габора Тёрёка, выступавшего в свое время в роли автономной научной личности, и поэтому соединившего в своих анализах литературных текстов достижения литературоведческих и поэтических исследований и лингвистическим подходом. В своей статье, напечатанной в рецензируемом сборнике, *D. Sene*, недавно отметивший свой юбилей в университете г. Печ, выступил за единую филологию. И как последний жест чествования упоминаем сборник статей Имре Бекеши, недавно вышедший в свет в г. Сегед под названием «Единая филологическая наука».

Янош Л. Надь

**УДВАРІ ІШТВАН, Збирька жерел про студії русинського писемства I. Szöveggyűjtemény a ruszin írásbeliség tanulmányozásához I. Кириличні убіжники мукачівського єпископа Андрія Бачинського. Bacsinszky András munkácsyi megyéspüspök cirillbetűs körlevelei. (Studia Ukrainianica et Rusinica Nyíregyháziensia 12). Ніредьгаза 2002, 238 с.**

Новая серия книг ведущего венгерского специалиста в области украинистики и русинистики профессора Иштвана Удвари «Сборник источников к исследованию русинской письменности» (здесь и далее перевод с русинского. — М. К.) призвана ознакомить интересующихся читателей с неизвестными ранее русинскими текстами. В данном I томе серии «Циркуляры епископа Мукачевской епархии Андрея Бачинского, написанные кириллицей» представлены документы, вышедшие из канцелярии мукачевского епископа Андрея Бачинского, сыгравшего значительную роль в распространении идей Просвещения в Подкарпатье и сформировавшего во второй половине XVIII в. предпосылки для развития русинской национальной идеи и становления русинской элиты. Именно с именем Андрея Бачинского во многом связаны процессы реорганизации церковной жизни русин, благодаря которым их положение значительно изменилось к лучшему в конце XVIII в. Именно греко-католическая церковь (при неразвитости других форм общественной жизни преимущественно сельского населения) стала едва ли не единственным объединяющим и направляющим началом в эпоху значительных перемен в жизни русин Венгерского королевства. Еще в 1768 г. в относительно молодом возрасте на этапе реорганизации Мукачевской греко-католической епархии по образцу римо-католических епископств Андрей Бачинский был назначен в состав четырехчленной капитулы, а спустя четыре года возглавил епархию. Именно во времена его правления значительно повышается благосостояние епархии (в 1776 г. в ее состав входит аббатство Тапольца с его значительным годовым доходом, подкарпатские греко-католики получают в свое распоряжение имущество распущенного к тому времени ордена иезуитов: величественные сооружения в столице края Ужгороде — нынешний греко-католический собор, здание епископской резиденции (ныне Научная библиотека Ужгородского национального университета), Ужгородский замок (сегодня помещения краеведческого музея) и т. п.

Во многом стараниями Андрея Бачинского значительно изменилась к лучшему система как подготовки служителей церкви (с 1777 г. она также велась в Ужгороде), так и работа всех церковноприходских школ.

О значительной роли епископа Андрея Бачинского в истории развития русинского этноса в составе Австро-Венгерской монархии до сих пор написано немало. С изданием рецензируемого сборника документов канцелярии Мукачевской греко-католической епархии времен епископства Бачинского, осуществленным профессором Иштваном Удвари, появляется замечательная возможность для широкого круга исследователей — и всех интересующихся историей русин — на документальной основе убедиться в масштабности и результативности деятельности выдающейся личности, какой, безусловно, в русинском прошлом является этот иерарх церкви, ознакомиться с его многолетней практической деятельностью на своем посту, путями и методами воздействия на повседневную жизнь греко-католического клира и прихожан епархии.

Книга, которая вышла на русинском языке в серии *Studia Ukrainica et Rusinica Nyíregyháziensia* под 12 номером, предваряется предисловием автора на венгерском и русинском языках, в которых кратко представлена история создания настоящего издания (с. 5–8). Следующей составной частью книги является ее раздел на русинском языке «Епископ Андрей Бачинский (1732–1772–1809) — представитель русинского просвещения», в котором представлены основные сведения о выдающемся представителе русинского просвещения в рамках следующих подразделов: «Жизнь и деятельность епископа Андрея Бачинского (9–18); «Бачинский — издатель библии (1804–1805)» (19–22); «Циркуляры епископа Андрея Бачинского» (22–28); «Каким мы видим русинский народ по материалам циркуляров Бачинского?» (28–29); «Что говорит Андрей Бачинский о священниках» (29–32); «Андрей Бачинский оprotoиереях» (32–33); «Бачинский о народных школах, законе божьем и подготовке канторов» (33–39); «Андрей Бачинский о подготовке и воспитании священников» (40–45).

Основная часть рецензируемого издания «Циркуляры Андрея Бачинского» занимает большую часть книги (47–191). Документы предлагаются читателям в хронологическом порядке. Рукописные материалы извлечены преимущественно из архивов Хайдудорожской епархии, монастыря в Марияповч, отдела рукописей Венгерской Академии наук (Наследие Антония Годинки). Отдельные из них обнаружены в Епископском архиве (Ниредьхаза), приходских архивах Шаторальяуйгеля, Дамоца. Большинство из циркуляров публикуется впервые.

Следует надеяться, что представленные на суд широкой общественности оригинальные материалы будут полезны не только для исследователей истории греко-католической церкви (большая часть циркуляров посвящена организации церковной жизни епархии, известна и трактует решения Ватикана и т. д., ср., например, циркуляры от 18 февраля, 19 мая 1775 г.; 23 февраля, 11 августа 1777 г.; 23 декабря 1779 г.; 13 и 17 сентября 1780 г.; 10 апреля 1784 г. и т. д.), но, например, и для исследователей взаимоотношений высших руководителей монархии с церковными иерархами, ср. циркуляры от 20 мая 1778 г., 26 и 30 ноября, 5 декабря 1780, 20 июня 1795 г. и т. д.; участия церкви в помощи армии (циркуляр от 15 ноября 1795 г., в котором епископ информирует духовенство о сборе епархией более 1578 рейнских форинтов на военные расходы короля, просит собирать для этих же целей овес), весьма актуальных, судя по их количеству среди епархиальных документов, распоряжений властей империи по поводу дезертиров, ср. циркуляры, датируемые 2 июня 1778 г., 1 ноября 1785, 17 февраля 1797 г., 4 июля 1803 г.; усилий церковных властей в организации школьного обучения прихожан, ср. циркуляры от 12 марта 1803, 1 марта 1804 г., 1 февраля 1805 г. и т. д.

Весьма ценным, на наш взгляд, представляется то, что каждый документ, публикуемый в рецензируемой книге, точно отражает язык архивных рукописей (надстрочные знаки, титлы представлены в скобках). Каждый документ сопровождается краткой аннотацией и указанием места нынешнего хранения на английском, русском и венгерском языках.

Точная передача языка документов Мукачевской греко-католической епархии делает настоящее издание весьма привлекательным для исследователей истории карпато-русинского литературного языка. Именно в языке канцелярии епископа Андрея Бачин-

ского явственно проявились черты так называемого «язычия», в котором в различном соотношении сочетались элементы церковнославянского различных изводов и великорусского языков и элементов местных говоров; литературного русинского языка, в различной редакции функционировавшего вплоть до первой трети XX столетия, однако несправедливо, на наш взгляд, обойденного серьезным вниманием языковедов и историков языка.

В качестве иллюстрации всей сложности графической передачи текстов и их языковых особенностей приведем начальный фрагмент циркуляра от 18 сентября 1797 г., в котором предписывается общинам и приходским священникам ни в коем случае не покупать у евреев из закарпатской Галиции церковной утвари, ритуальных облачений, подчеркивается важность улучшения охраны церковных ценностей в приходах, помощи властям при проведении переписи (*conscriptio animarum*), представлен перечень документов, необходимых при поступлении в унгварскую (ужгородскую) духовную семинарию, ср.:

«Возлюбленнїй С(ы)нове Парохи, и Вице-Архидїакони!

Ради бл(а)гополѹчиїшаго строенїа с(ва)тыхъ ц(е)рквей, слѹжителей ихъ пароховъ, и народа парохіалнаго на пришлыхъ соборъхъ слѣдѹюща повелѣнїа моя извѣщаю, а сице:

ї (1): На оудаленїе прелщенїа, имже въ нѣкіихъ странахъ жыди, найпачеже 8аллицанскій сѣмо и амо обхождающе, икоже чашы слѹжебныы, тако и одежды ц(е)рковныы, сирѣчъ: фелоны, или ризы и прочыя оуборы, и орѹдїа ц(е)рковнаа продавають, ѩселѣ извѣщає(т)са, и жестоко запрѣщаєтса. Запрѣщенїе же сїе чрезъ возл(юбленностей) вашыхъ народно людемъ во ц(е)рквахъ да огласится: абы по семѹ ѩ жыдовъ жадныа таковыа ани чашы, ани одежды и орѹдїа ц(е)рко(в)наа ѩнюдь некѹповать, и до ц(е)рквей непримати, по(д) оутратою цѣны, и награжденїа шкоды ц(е)рквамъ» (с. 125).

Даже поверхностный анализ данного весьма типичного фрагмента текста циркуляра, вышедшего из канцелярии Андрея Бачинского, свидетельствует об использовании подкарпатскими русинами в качестве официального стиля церковнославянского языка, в котором еще не заметно сколько-нибудь значительного влияния местных карпаторусинских говоров, что произошло на протяжении последующих полутора веков, когда соотношение элементов церковнославянского языка разных изводов и местных говоров приобрело обратный характер.

Как и в большинстве европейских языках демократизация языковых норм в русинском литературном языке к середине XX столетия, когда этот процесс был прерван в силу запрета всего русинского (за исключением наименьшей части этноса — бачванских русин, язык и культура которых получили органичное развитие в составе послевоенной Югославии), привела к преобладанию в нем языковых особенностей живых говоров Подкарпатья. Этот процесс получил завершение в конце 90-х годов XX в., когда попытки использовать в качестве литературного русинского языка, основанного на базе трех основных говоров (ужанского, бережского и мараморошского), были продолжены. Об этом, в частности, свидетельствует и рецензируемое издание, написанное на языке, в котором практически отсутствуют церковнославянские языковые элементы, столь типичные для литературного языка русин времен Андрея Бачинского.

Особенностью развития русинского литературного языка в настоящее время является то, что его носители в отличие от конца XVIII в., проживают не в одной, а в разных странах, которые образовались после распада Австро-Венгрии в начале и стран Восточного блока (СССР, Чехословакии, Югославии) в конце XX в. После кодификации литературного языка бачванскими руснаками еще в начале XX в., вслед за ними этот процесс уже в конце века завершили словацкие и польские русины (лемки), на пути к этому подкарпатские (украинские) русины.

Интересно, что в значительной мере и великорусское языковое влияние (которое, судя по текстам, представленным в рецензируемой книге, уже заметно во времена Андрея Бачинского), в дальнейшем наряду с другими факторами привело к формиро-

ванию русофильской ориентации значительной части интеллигенции края, ратовавшей за использование русского языка в качестве литературного, а также в значительной мере исходило в то время не столько с Востока, как из Запада, откуда (наряду с идеями Просвещения) поступали в канцелярию Мукачевского епископата документы из Вены, которые, надо признать, оказали значительное влияние на язык посланий и циркуляров канцелярии Андрея Бачинского, и которые, в свою очередь, рассыпались в деканские округа (в тот период 60), а оттуда в приходы епархии (более 700). Это подтверждают, в частности, материалы «Циркуляры Андрея Бачинского, написанные кириллицей и документы венского двора, относящиеся к воинской службе», представленные в приложении рецензируемой книги (195–205). Последние свидетельствуют о существовании практически тождественных документов, вышедших из канцелярий венского двора и Мукачевской греко-католической епархии. В приложении представлен и опубликованный ранее материал венгерского исследователя Иштвана Пала «Дворянская печать Андрея Бачинского» (192–194). Заканчивается новое издание пространными резюме на английском, русском и венгерском языках (206–236).

На наш взгляд, новое русинское издание Иштвана Удвари не только укрепляет достижения в области весьма активно прогрессирующей отечественной русинистики, но и является значительным вкладом в развитие современной венгерской славистики в целом.

*Михаил Капраль*

Л. Н. ТОЛСТОЙ и С. А. ТОЛСТАЯ, **Переписка с Н. Н. Страховым.** The Tolstoys' Correspondence with N. N. Strakhov. (Из архивов Государственного музея Л. Н. Толстого). А. А. DONSKOV (Ed.). Compiled by L. D. GROMOVA & T. G. NIKIFOROVA. (Tolstoy Series 3). Slavic Research Group at the University of Ottawa and State L. N. Tolstoy Museum, Moscow, 2000, 308 с.

Славянская исследовательская группа при Оттавском университете в сотрудничестве с московскими учеными интенсивно и с большим научным успехом работает над изучением творческого наследия Л. Н. Толстого, над неизданными до сих пор материалами, которые способствуют еще более многостороннему пониманию, анализу художественного творчества, философии писателя и мыслителя. Работа ученых над архивными материалами рукописного наследия имеет серьезные результаты, публикующиеся в томах «Толстовской серии архива Л. Толстого». Редактор издания проф. Оттавского университета, известный русист А. А. Донсков работает в тесном сотрудничестве с московскими учеными. В работе участвуют такие исследователи как член-корр. РАН Л. Д. Громова и старший научный сотрудник Музея Л. Н. Толстого Т. Г. Никифорова, а также канадские слависты.

В Толстовской серии были опубликованы такие книги как «Новые материалы Л. Н. Толстого и о Толстом» из архива Н. Н. Гусева, «Сергей Толстой и духоборцы: путешествие в Канаду» (ред. А. А. Донсков). Руководство Оттавского университета и материально и морально поддерживает деятельность ученых, а Государственный музей Л. Н. Толстого в Москве предоставляет им материалы архива Толстого и всячески способствует работе исследователей.

В томе «Л. Н. Толстой и С. А. Толстая. Переписка с Н. Н. Страховым», опубликованном в 2000 г., печатается переписка писателя и его жены 1894–1896 гг. с крупным и важным представителем литературной жизни второй половины XIX в. Н. Н. Страховым. Составители и редактор тома издали ранее никогда не публиковавшиеся письма из переписки Л. Толстого с Н. Страховым.

Самый богатый материал из архива писателя был опубликован Б. Л. Модзалевским в 1914 г., но в это издание не вошли письма 1894–1896 гг. Модзалевский в преди-

словии к своему труду отметил вероятность наличия материалов, но по невыясненным причинам они по-видимому до него не дошли.

Напечатанные в данном издании письма найдены благодаря упорной работе исследователей; эти письма документируют период жизни и творчества Толстого в 1894–1895 гг., т. е. период его работы над романом «Воскресение», также и период его выступлений в защиту духоборцев, преследуемых церковными и светскими властями. Вскоре после этого прозвучали призывы Толстого к общественности о помощи голодающим. Он сам с дочерью ездил по селам, организовывал столовые голодающим. В его письмах звучит отчаяние перед ужасающей действительностью голодающего крестьянства.

В своих письмах близкому человеку, Страхову Толстой откровенно говорит об ответственности русского помещичества, упорно не замечающего трагедии, голодной смерти в деревнях.

Толстой в годы преследования духоборцев и голода в деревнях особенно сблизился с Н. Н. Страховым, с которым вел переписку. Ему Толстой полностью доверял и, как в своих письмах часто повторял и подчеркивал, считал его самым близким человеком, взгляды которого были ему родственны, и он их разделял.

Думается, не менее важно, что жена Толстого Софья Андреевна тоже одобряла доверительное отношение Толстого к Страхову и сама относилась к нему как к надежному, личному другу. Письма Софьи Андреевны Страхову, опубликованные А. А. Донским во второй части настоящего тома, также свидетельствуют о том, как часто она обращалась к Страхову за советом.

Письма ценные, и как историко-литературные документы они никогда не публиковались. (Из опубликованных А. Донским писем было напечатано 12 писем на английском языке: *Tolstoy Studies Journal* 11, 1999, 72–107; перевод J. Woodsworth'a).

Переписка Л. Н. Толстого и С. А. Толстой с Н. Н. Страховым в 1894–1896 гг. показывает, что Н. Н. Страхов был страстным поклонником творчества Толстого, восхищался им, видя в творчестве писателя отражение всех лучших качеств русского характера, русского менталитета. Любовь к писателю, восхищение его талантом, личная дружба с ним в то же время позволяли Страхову и не соглашаться, спорить с ним в тех случаях, когда считал необходимым. Толстой уважал мнение Страхова, часто обращался к нему за советом по вопросам философии, в которой тот был необыкновенно начитан. Страхов привозил Толстому книги, главным образом по моральной философии. Это был как бы ответ на замечания Толстого о Розанове, статьи которого очень не понравились писателю, ответ на его сомнения: нужна ли философия, если ее так долго отвергали? Страхов обращал внимание Толстого также и на новые художественные произведения иностранных и русских писателей, или же они вместе обсуждали произведения современников. Доверительная дружба отражается в каждом из их писем. Донсков отмечает, что письма часто как бы продолжают начатый разговор, прерванный, но не законченный.

А. А. Донсков в своей вступительной работе особо подчеркивает важное значение личной переписки писателей вообще, а Толстого в особенности. Исследователь считает, что личные письма близких по убеждениям, взглядам друзей почти без исключения достоверны, аутентичны, поэтому они необходимы при изучении творческого наследия писателя. А. Донсков отмечает, что опубликование исследовательской группой неизданных до сих пор писем имеет значение и для изучения творчества Толстого, ведь письма свидетельствуют о круге философских интересов, чтений писателя в конце 90-х годов, а также важны для понимания личности жены Толстого, Софьи Андреевны, и не в последнюю очередь, их друга Н. Н. Страхова, часто и по долгу гостившего у Толстых в Ясной Поляне, где его встречали как самого близкого человека.

Страхов написал примерно десять статей о Толстом, с его мнением Толстой обычно соглашался. О любви, уважении и доверии Толстого к Н. Страхову свидетельствует то, что в кабинете писателя среди портретов немногих самых близких людей

висел портрет Страхова. Кроме этого, в написанном Толстым завещании говорилось, что в случае смерти его бумагами мог распоряжаться Н. Н. Страхов.

Изданная канадскими и русскими учеными книга содержит 38 писем Л. Толстого и 86 (!) писем С. А. Толстой (конечно, и ответы на них Страхова). Эта переписка свидетельствует о том, как много помогал Страхов Толстому, всегда и немедленно реагировал на его вопросы, исполнял поручения, давал советы какие книги прочитать по интересующим писателя вопросам моральной философи: «Я предлагаю пока две книжки Николя, приятеля Паскаля «Des moyens de conserver la paix avec les hommes. Anweisung zum seligen Leben». Я так уверен в достоинствах этой книжки, что ... уже отдал ее переводить». Он предлагает книгу и сразу же добавляет: «...может быть найду что-нибудь если не лучше, то удобнее этих книг».

Подобные замечания часто встречаются в письмах Страхова к Толстому. Толстой, доверяя знаниям и литературному вкусу Страхова, всегда читал книги, статьи, на которые тот обращал его внимание, регулярно читал также и статьи Страхова, вызывавшие в нем живой интерес. После личного знакомства писатель часто приглашал Страхова в Ясную Поляну, где он всегда был желанным гостем всей семьи. Часто приезжающий Страхов всегда привозил из Петербурга литературные новинки и новости, нередко даже составляя для Толстого краткие аннотации, суммировал суть появившихся за последнее время теоретических работ, нередко правил рукописи писателя, подготавливая для печати его статьи. Согласно выводам А. Донского, Страхов был верным другом и информационным источником Толстого. Как отмечает А. Донской, Страхов был и тем человеком, который помогал Толстому четко оформлять свои взгляды, мысли, и делал это деликатно, редко пускаясь с писателем в споры, и вместо спора задавал Толстому вопросы, чтобы тот сам сделал верные теоретические выводы.

В письме к А. Фету от 10 января 1877 г. Толстой пишет следующее: «Часто беседую о тебе со Страховым, ведь мы троем родственные души». Любовь, доверие Толстого к Страхову не случайны: Н. Страхов был образованнейшим человеком своей эпохи: он был подготовлен по математике, естествознанию, был начитан, великолепно знал русскую и зарубежную литературу. Толстой искренне уважал и любил его за честность, надежность, искренность, принципиальность и знания.

Совершенно верно мнение проф. А. Донского, подчеркивающего в своей работе, что значительным вкладом для изучения литературы о Толстом, а также и для изучения русской литературы второй половины XIX в. явилось бы издание всей переписки Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым в хронологическом порядке.

Во второй части тома печатается переписка С. А. Толстой с Н. Н. Страховым 1872–1895 гг. Страхов, как известно, познакомился с Толстым и его семьей летом 1871 г. когда приехал в первый раз к нему в Ясную Поляну, а летом 1872 г. он по личной просьбе писателя выполнил последнюю корректуру «Азбуки» Толстого. Но несмотря на установившиеся между ними теплые дружеские отношения, и через несколько лет, в конце 60-х годов. Страхов обращается к С. А. Толстой подчеркнуто почтительно: «высокоуважаемая» или «многоуважаемая» графина.

Супруги писали Страхову отдельно, независимо друг от друга, хотя в некоторых письмах Софии Андреевны есть и его собственоручные приписки. Софьею Андреевной затрагиваются и такие вопросы и проблемы, которые не были упомянуты в письмах Л. Толстого, но они всё же важны, потому что как бы дополняют письма Толстого и содержат подробности, уточняющие многие факты, иногда мелкие, но всё же важные замечания и о самом писателе, и о его друзьях и посетителях.

Первые письма Софии Андреевны Страхову связаны с повседневными делами, заботами, денежными затруднениями. Она пишет о посетителях, гостях Ясной Поляны, т. е. ее письма — это письма о повседневной жизни семьи, рассказывающей также о буднях писателя, о его напряженной работе. Отвечает Страхов на эти письма немедленно. Его ответы несколько старомодны, но всегда необыкновенно почтительны. В то же время Страхов считает, что пишет даме, которую непременно интересуют подроб-

ности жизни столицы, передает ей маленькие новости об общих знакомых. Эти короткие рассказы о новостях никак нельзя назвать сплетнями, ведь его сообщения, рассказы создают образы упоминаемых им людей. Он пишет о своем отношении к Тургеневу, подробно передает свое мнение о Соловьеве; письма его пестрят именами знаменитых писателей, философов, с которыми он встречался, беседовал.

Издатель тома считает, что переписка Н. Страхова с С. А. Толстой дополняет, оживляет, порой уточняет те сведения, о которых Страхов писал Толстому.

Страхов пишет всегда подробнее о тех писателях, которые, по его мнению, могли интересовать Толстого и его супругу, передает в своих рассказах их высказывания, столкновения между ними, даже описывает поведение некоторых из них.

Страхов писал Толстому чаще всего о литературных, философских проблемах, полемиках, а Софье Андреевне о петербургских новостях, зная, что они интересуют и Толстого. В одном из писем Софья Андреевна замечает: «...если у вас нет времени, и вам трудно писать мне, пишите Льву Николаевичу, ему такие письма доставляют удовольствие» (П. 12). В письмах Софьи Андреевны есть и совершенно частные, «мелкие» просьбы, связанные с ее повседневными заботами: найти учителя, «поискать хорошего доктора» и т. д. Подобные просьбы несколько позже заменились просьбами о помощи в издательских делах (когда она стала издателем произведений мужа). Их Страхов исполнял немедленно, также давал дальние советы С. А. Толстой в ее издательских проблемах.

Страхов хорошо видел, как тяжело Софье Андреевне вести хозяйство, воспитывать детей, оберегать покой мужа; многие почитатели Толстого обижались и писали о ней временами несправедливо, особенно когда она вынуждена была отказывать посетителям в встрече с мужем. (Чаще всего по его же просьбе, чтобы он мог спокойно работать). Софья Андреевна знала, что в глазах Страхова она не просто жена знаменитого писателя, как — по ее мнению — снисходительно относились к ней некоторые посетители.

Софья Андреевна часто писала ему, всегда была с ним откровенна, всегда писала не только о своих проблемах, но и о своем супруге, о его настроении, о его заботах и неприятностях, напр.: «... он совсем пал духом, работать ничего не может, угнетенное состояние». (Это было связано с неприятностями в связи с изданием статьи писателя «Так что же нам делать?»). Далее С. А. Толстая продолжает: «В чем моя вина?». Затем, без перехода пишет: «...жалю, что нет таких милых посетителей как Страхов». (письмо 1884 г.). Это письмо может послужить примером того, как Софья Андреевна меняет темы, не заботясь о логике излагаемых мыслей, она пишет, будто разговаривает с сидящим рядом другом. Подобные письма нередки в этой переписке, они показывают, что пишущий хочет поговорить, поделиться домашними новостями, не думая о логике своего рассказа.

Совершенно изменяется содержание и стиль Страхова, когда он пишет С. А. Толстой о принципиальных и теоретических вопросах, связанных со статьей Толстого «Так что же нам делать?», которую он полностью одобрял. В 1885 г. Эта статья должна была появиться в печати, но она была запрещена цензурой. Характерно, что статья стала распространяться в рукописных копиях в довольно большом количестве. В 1886 г. эту работу напечатали в Женеве под заглавием «Какова моя жизнь?» (в России она вышла в свет лишь в 1906 г.). Обсуждением проблем, вопросов, изложенных в этой работе Толстого, занимается Страхов в своем письме, написанном в марте 1885 г. Софье Андреевне: излагая взгляды Толстого, Страхов утверждает его правоту. Обычно же в письмах к Софье Андреевне он обходит отвлеченные темы, вероятно считая, что они не могут интересовать светскую даму, или же попросту не желая волновать ее.

В переписке с С. А. Толстой Страхов проявляет черты старомодного, сдержанного и необыкновенного учтивого интеллигента, редко бывающего в обществе дам. Он всегдадержан и деликатен. В своих письмах он пишет о новостях культурной жизни, изданиях, книжных новинках; он никогда не позволяет себе ни одного лишнего слова,

во всех письмах предлагает свою помощь. В то же время очень мягко, деликатно наставляет Софью Андреевну быть терпеливой, снисходительной к слабостям мужа. Самое большее, что позволяет себе Страхов после долгого общения с С. А. Толстой — перейти в обращении к ней от «глубокоуважаемая графиня» к «многоуважаемая Софья Андреевна». В опубликованных в резензируемом томе письмах он сообщает об издании своих книг. Это «Критические статьи о М. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом», Спб. 1885 г., и изданный в 1887 г. сборник его работ «Борьба с Западом в нашей литературе».

Страхов являлся главой и научным руководителем Публичной Библиотеки. При этом он неустанно редактировал подготавливаемые к печати произведения русских писателей и поэтов: Фета, Толстого и других. Несмотря на свою занятость Страхов всегда был готов помочь, когда Софья Андреевна обращалась к нему по издательским делам. В архивах Толстого учеными обнаружены и опубликованы письма, свидетельствующие о той резкой перемене, которая произошла в жизни С. А. Толстой в середине 80-х годов. Дело в том, что Л. Толстой вследствие нападок со стороны властей в 1883 г. отказался от собственности, включая и гонорары за свои произведения, изданные до 1881 г. Владелицей прав и гонораров произведений, написанных после 1881 г., им была названа Софья Андреевна Толстая. Этим и объясняется ее издательская деятельность.

Н. Н. Страхов трогательно и чутко наставляет Софью Андреевну в издательском деле и даже в стилистических вопросах. Напр., в письме он пишет следующее: «...необходимо избегать личные местоимения, мне, им, писать «с позволения автора» или «нужен портрет автора к изданию непременно» и т. д. Сразу же после этого пишет, какая обложка, буквы нужны к изданию. Как видно из письма, Страхов посвещает С. А. Толстую во все подробности издательского дела и книгопечатания.

Можно предположить, что ее несдержанность, неуравновешенность, смятение, временами даже отчаяние связаны с началом неизвестной ей издательской деятельности. Именно с этого времени подобные настроения появляются в письмах Толстой, хотя она старается держать себя в руках.

Верный друг Н. Страхов всячески поддерживает неуверенную в себе женщину, убеждая ее, доказывая ей, что она сумеет выполнить взятые на себя работу, задачи, которые без благородного, образованного друга она действительно не смогла бы осуществить. А он хвалит и одобряет деятельность С. А. Толстой: «Вы всё сделали так, как я указывал. Очень я этому радуюсь! Я ведь старался сделать как можно лучше, с любовью работал над драгоценными сочинениями. Вы это поняли, Вы это приняли...» (П. 78).

Необходимо подчеркнуть, что Лев Толстой после духовного кризиса еще больше отдалился от проблем публикации своих произведений, и Софья Андреевна только с помощью Страхова смогла продолжить взятую на себя работу. «Бог послал мне Вас» — пишет она Страхову.

Софья Андреевна всегда безоговорочно следовала советам Страхова, потом и советам А. Г. Сниткиной, вдове Достоевского, с которой подружилась. Их познакомил Н. Н. Страхов.

Изданная канадскими и русскими учеными книга содержит также исправления неточностей юбилейного издания произведений Толстого. Здесь публикуется и письмо писателя, считавшееся потерянным (письмо 22, часть II). Все письма, опубликованные в томе, сверены с рукописями. Благодаря чему по этим материалам можно изучать и процесс творческой работы Толстого, и не в последнюю очередь роль и значение Н. Н. Страхова в жизни Л. Н. Толстого и С. А. Толстой.

А. А. Донсков подчеркивает влияние Страхова на формирование теоретических, философских и этических взглядов Толстого. Беседы с этим необыкновенно образованным и добреишим человеком были важны писателю. Страхов был другом, в котором Толстой нуждался. Будучи равноправным собеседником писателя, Страхов часто формулировал, уточнял те мысли, которые он хотел бы выразить. Таким образом, Страхов,

преклоняясь перед писательским гением Толстого, в своих суждениях всегда оставался независимым мыслителем.

А. А. Донсков метко и остроумно характеризует их дружеские взаимоотношения: «Это был своеобразный симбиоз двух равноправных людей».

*Marija Temeni*

**Marija MITROVIĆ, *Geschichte der slowenischen Literatur*.** Von den Anfängen bis zur Gegenwart. Aus dem serbokroatischen übersetzt, redaktionell bearbeitet und mit ausgewählten Lemmata und Anmerkungen ergänzt von Katja STURM-SCHNABEL. Klagenfurt/Celovec–Ljubljana/Laibach–Wien/Dunaj 2001. Verlag Hermagoras/Mohorjeva, 617 str.

Bralci, interesenti, ki berejo v nemščini, so dobili izjemno zgodovino slovenske književnosti, saj je avtorica ob upoštevanju rezultatov, metodike zgodovin srbske in hrvaške književnosti podala pregled zgodovine slovenske književnosti, prevajalka, ki ustvarja po zamislih avstrijske in slovenske literarne znanosti, pa jo je dopolnila, vanjo vnesla nova, kratka gesla in dopolnila bibliografijo. Toda ni to razlog za to, da je v celotnem delu komajda čutiti nekakšen znanstveni zagon, raje bi metodo avtorice in tudi prevajalke imenovali za eklektično (in to ni graja, ampak samoposebi sledi iz tovrstne zvrsti, ki ima namen popularizirati in informirati). In sicer v smislu, ko menita, da je mogoče zgodovino slovenske književnosti opisati v duhu periodizacije in vrednostnega sistema, ki se je zakoreninil v strokovni literaturi, in v tem opisu ne bomo naleteli na presenetljiva nova odkritja, na razvrstitev, ki odstopajo od običajnih; tako pri razumevanju slogovne zgodovine kot tudi pri kanonu nacionalne narative srečamo slovenski akademski pogled na književnost, ki na delih Franceta Prešerna in Ivana Cankarja gradi »idealno tipično« predstavitev trendov v zgodovini slovenske književnosti. Tak pristop se nam lahko zdi upravičen — in prav zaradi tega je ta zgodovina slovenske književnosti izjemna — saj ne želi slovenskim bralcem dokazati upravičenost akadem-skega pogleda, najmanj pa iztiriti proučevalce slovenske literature iz njihovih okorelih pogledov. Prav nasprotno, želi tako srbskim, hrvaškim predvsem pa nemškim in avstrijskim interesentom posredovati ne le golo zgodovino slovenske književnosti, ampak tudi to (velikokrat predvsem to), kako razmišlja slovenska književnost in literarna zgodovina o sebi. V našem primeru je mogoče v nemškem jeziku prebrati samopogled na slovensko književnost in literarno zgodovino. Tak pristop ima vsekakor to prednost, da se ocena, opis, primerjava in razvrščanje v obdobja ter slogovno-zgodovinska kvalifikacija, ki so se izkristalizirali v dveh stoletjih raziskovalnega dela, s pomočjo posredništva nemškega jezika sorazmerno jasno in pregledno orišejo usodo slovenske književnosti, ki jo je mogoče opremiti z etiketo zgodovina slovenske književnosti. Škoda, da skoraj v celoti manjka komparativni pristop, oziroma le kratka sklicevanja, le omenjena imena ozaveščajo v bralcu dejstvo, da je tudi slovenska književnost del evropskih literarnih premikov, še več: iz aspekta dialoga slovenske in evropskih književnosti (ne le slovanskih) je bolj čutiti in je morda tudi lažje razumeti npr. oblikovanje »usode« slovenske moderne, poznega simbolizma in avantgarde. K temu bi dodal toliko, da dvojezičnosti, ki je do začetka 20. stoletja določala slovensko književnost (in to ni le in predvsem pomemben dejavnik pri kvalifikaciji zamenjave jezika pri Stanku Vrazu) ne avtorica in ne prevajalka ne posvečata primerne pozornosti. Tako skoraj nič ne zvemo o nemških pesmih Franceta Prešerna, ki sploh niso nepomembne, o publicistiki Ivana Cankarja v nemškem jeziku; prekmurska književnost, ki je v pretežnem delu pisana v regionalnem knjižnem jeziku, pa verjetno zato ne dobiva zasluzenega mesta v tej literarni zgodovini, ker se avtorici ne ukvarjata s slovensko-madžarskimi povezavami. Lahko bi omenil tudi to, da prav tako niso bili dostojno predstavljeni slovenski avtorji, ki v novejšem času ustvarjajo in živijo v Avstriji, pa čeprav je slovenska književnost z več centri dokaj značilen srednjeevropski pojav (primer Madžarov, Poljakov, Slovakov). Dialog ali poskus dialoga književnosti zunaj Slovenije s književnostjo v Sloveniji bi nam obetal nastanek novih literarnozgodovinskih zornih kotov.

Tako avtorica kot tudi prevajalka sta pripravili zanesljiv, čitljiv priročnik, na katerega se je mogoče sklicevati in ki je lahko koristen predvsem za raziskovalce omenjene teme, toda dokaj malo pove o tem, v kolikšni meri vidi drugače slovensko književnost literarni zgodovinar, ki živi zunaj

Slovenije. Res pa je, da to kar se z izpustitvijo tega zornega kota zgubi, se povrne s posredovanjem slovenskih pogledov, kar lahko interesente hkrati spodbudi, da s pomočjo natančnih navodil v bibliografiji in strokovni literaturi, sami odkrivajo metode pridobivanje dodatnih spoznanj. Velikopotezni pregled najnovejših literarnih tokov daje malce posplošeno podobo. Res je sicer, da za globljo oceno še ni potrebne distance, toda izredno živahna slovenska kritika, novi pogledi, ki jih je mogoče razbrati iz načelne orientacije Nove revije, bi lahko olajšali predstavitev tendenc najbližje preteklosti.

Avtorica in prevajalka sta v celoti pripravili koristno knjigo. Dobilo smo aktualen priročnik, ki bo napolnil številne vrzeli, ki predvsem informira, v manjši meri ocenjuje, raje opisuje kot pa analizira, posreduje predvsem splošno mnenje in ne odstopa od sedanje prakse ocenjevanja slovenskih literarnih pojavov. Imponira bogastvo podatkov, vgradnja nemške strokovne literature v samo zgradbo je vzorna. Priporočamo ga vsem, ki se ne ukvarjajo poklicno s slovensko književnostjo (ali pa se želijo ukvarjati z njo), in tudi tistim, ki načrtujejo obdelavo nekega konkretnega problema, saj je lahko za kaj takega pričujoča knjiga dobro izhodišče.

Prevod: *Marija Bajzek-Lukač*

*István Fried*

**Научные издания московского Венгерского Колледжа I.** Москва 2001,  
Отв. ред. Йожеф Горетить, 213 с.

В 2001 г. появилось первое научное издание Культурного, научного и информационного центра Венгерской Республики, обретшего статус Венгерского колледжа в 2000 г. Культурно-дипломатическая, научная деятельность Венгерского колледжа направлена на то, чтобы представить гуманитарные науки и ценности венгерской культуры в России. Центр считает своей задачей показать широкой публике результаты научной деятельности Колледжа, так как его сотрудники, в том числе директор Венгерского Колледжа, Берталан Силанк и директор по науке, Йожеф Горетить, решили выпустить собственные русскоязычные сборники под названием «Научные издания московского Венгерского Колледжа». Эту инициативу можно только приветствовать. Как это утверждается в передисловии выпуска, авторы намерены выпускать по два сборника в год, которые будут иметь свой определенный цвет и будут снабжены характерной эмблемой Центра. В планируемых сбранниках будут публиковаться материалы конференций, организуемых Культурным центром. В перспективе редакторы хотят предоставить возможность для публикаций как молодым венгерским исследователям, так и представителям молодого поколения российских унгаристов.

Предлагаемый вниманию читателя сборник делится на две части. В первом разделе помещены отредактированные варианты докладов, прозвучавших в рамках круглого стола историков по теме «Два возврата венгерских гонведских знамен» в Культурном, научном и информационном центре ВР 14 марта 2000 г. Во втором разделе публикуются доклады литературоведческой конференции «Роль и значимость дворянской усадьбы в венгерской и русской литературе XIX века», проведенной 20 марта 2000 г. В обеих конференциях участвовали как русские, так и венгерские ученые, таким образом, эти конференции свидетельствуют об успешном сотрудничестве, о совместной работе. Работы рецензируемого сборника дополняют друг друга, они находятся в отношении внутреннего диалога.

Собранные в первом разделе исследования делятся на две группы. К первой относятся те работы, которые представляют собой рассмотрение событий национально-освободительной борьбы венгерского народа и национального вопроса в венгерской революции 1848–1849 гг. Другая группа работ посвящена вопросу возврата гонведских знамен, следовательно, в публикуемых статьях исследуется и история дипломатических отношений между СССР и Венгрией.

Нужно признаться в том, что я по профессии не историк, именно поэтому мои замечания касаются лишь методологических вопросов. Сборник открывает работа Тофика Исламова, в которой исследователь рассматривает сравнительно хорошо извест-

ные и изученные события и факты венгерской революции в контексте европейских революционных восстаний 1848 г. Изучив общеевропейский политический процесс, он пришел к заключению, что социально-политические цели и идеи в Австрийской империи уступили место национальному моменту. Принимая в расчет работы венгерских, австрийских, западных авторов, а также труды исследователей из славянских стран, автор уделяет особое внимание спорным вопросам историков (т.е. вопросу об оценке политических аспектов венгерской революции, о ее роли в судьбах Дунайской монархии и ее народов, о причинах поражения освободительного движения), при этом он указывает на новейшие историографические тенденции. Исламов подробно останавливается на том, что в новейших сочинениях российских историков заметны тенденция замалчивания позитивной интерпретации Венгерской революции и тенденция ее трактовки как чисто национального феномена. Он оспаривает или уточняет высказывания и выводы представителей этого поворота, но в месте с тем указывает на неоспоримую, существенную роль неразумной национальной политики революционного правительства и национальных конфликтов в поражении Венгерской революции. В отличие от упомянутых в статье русских историков, Исламов подчеркивает решающее значение помощи Русского правительства в разгроме Венгерской революции.

Национальная проблема затронута в следующей статье, в работе Чиллы Желицки. Исследовательница сосредоточивается на истории национального вопроса, на действиях немадьярских национальных движений и политике венгерского правительства. Ею четко прослеживается линия отношений между невенгерскими национальностями и венгерским национальным движением во главе с Кошутом. Не оставляются без внимания представления и попытки графа Телеки и представителей эмиграций соседних с Венгрией стран, которые осознали важность совместной борьбы против дома Габсбургов и необходимость замены монархии свободным союзом равноправных народов. Но Кошут и венгерские либералы, не желая отказываться от принципа нерушимости единства государства, отвергли идею предоставления национальностям Венгрии территориальной автономии. Проведенный анализ показывает, что Кошут и его единомышленники были ответственны за запоздалое осознание необходимости взаимного согласия.

Основная задача работы Белы Желицки заключается в обзоре проблемы вмешательства царских войск и периода конца венгерской национально-освободительной войны 1849 г. Выделяя основные события, в особенности последние дни оборонительной войны и разные действия войск, он указывает на численное преимущество армий двух великих держав и разногласие и тактические ошибки в высшем венгерском руководстве, которые способствовали неудачному исходу освободительной борьбы венгерского народа. Несмотря на это, исследователь придает существенное значение российскому вмешательству, с момента которого судьба венгерской свободы и независимости была решена, ведь на военную победу надежды не осталось. Автор констатирует, что в сложившихся условиях ни дипломатия, ни военное сопротивление не смогли бы спасти положение. Поэтому решение, принятое Гергеи, можно считать разумным и осознанным. Главнокомандующий, лишенный иллюзий и каких-либо возможностей, решил сложить оружие перед русским.

Согласно протоколу о передаче знамен при капитуляции у Вилагоша царским войскам было передано 31 знамя кавалерии и 29 знамен пехоты. В основном эти и взятые еще в боях знамёна составили ту коллекцию, которая попала в Россию. Коллекция имеет самостоятельную историю, которой посвящены три доклада. В статье Енё Дёркей дается подробное описание церемонии передачи знамён в 1941 г. В работе констатируются лишь факты: советское правительство вернуло Венгрии 56 боевых знамён освободительного движения, которые хранились в советских музеях, в основном в Музее революции. В качестве финального акта знамена были помещены в Военный музей. Богатая коллекция экспонатов Военного музея в 1945 г. попала в руки советской армии. Несмотря на стремление министра обороны Временного национального правительства Яноша Вереша вернуть знамена, они были вывезены в Москву. Второй торжественный акт передачи знамён состоялся только в 1948 г. Андраш Пушкаш с другой стороны

подходит к этой проблеме, освещая причины. Опираясь на архивные материалы, сообщения Тасс, советские и венгерские газетные публикации, автор старается проследить динамику советско-венгерских отношений. В его статье указывается, что переговоры были связаны с указанием правительства СССР предпринять меры по улучшению отношений с капиталистическими странами. К ряду положительных жестов со стороны русских относится и передача гонведских знамён. На основании архивных материалов исследователь предполагает, что у Молотова были намерения удержать Венгрию от участия в войне на стороне гитлеровского блока. Как известно, это не удалось. Раздел завершается очень короткой статьей, предлагаемой Ольгой Лебединской, в которой перечисляются документы, посвященные истории передачи гонведских знамен и хранящиеся в Центральном музее Вооруженных Сил.

Собранные во второй части сборника работы представляют собой интересное рассмотрение роли и значимости дворянской усадьбы в русской и венгерской литературе XIX в. Интерпретация этой темы проведена с разных позиций, следовательно в статьях представлен широкий арсенал различных подходов. Работы содержат любопытные и ценные исследовательские замечания и наблюдения в отношении специфических особенностей формирования художественного мира усадьбы во второй половине XIX в. Усадьба как социокультурный локус, как особое культурное и бытовое явление составляет центральные и исходные тезисы исследователей. В некоторых работах освещаются характерные особенности (построение архитектурно-пространственной и парковой среды) усадебного мира, живой жизни усадьбы прошлого века, а в других затрагивается вопрос мифopoэтического осмыслиения дворянской усадьбы и появления и переосмыслиения мифа дворянского гнезда.

В первой статье предпринята попытка проанализировать и выяснить различия принадлежавших к одному поколению и связанных между собой дружескими отношениями писателей, Островского и Некрасова в восприятии усадебного мира. Опираясь на письма, дневниковые записи Татьяна Каждан исследует их образ жизни в усадьбах и их отношение к усадебному миру. Хотя усадьба сыграла положительную роль — ведь служила творческой мастерской — в жизни обоих писателей, только Островский воспринимал легко и естественно усадебный мир и быт. А для Некрасова характерно органическое неприятие усадебной жизни, он был антиусадебен по своей сути.

К изучению своеобразного мира мурановского усадебного комплекса обращается Екатерина Потапова. Освещая историю дворянского гнезда и связанную с ней историю четырех дворянских семейств, Энгельгардтов, Боратынских, Путят и Тютчевых, ей удалось убедительно показать процесс воплощения непрерывной связи поколений. В ее анализе доказывается, что Мураново вобрало в себя все пласти дворянской культуры XIX в. Не лишен интереса ее вывод, к которому пришли и другие исследователи: в усадьбе синтезировались традиции семьи и рода, культура дворянская и крестьянская, культура города и провинции, России и запада.

В работе Юрия Манна наблюдается другой подход. Его статья заслуживает внимания не только потому, что исследователь опирается в основном на литературный материал, но и потому, что в статье исследуется, как зарождался миф дворянской усадьбы. Бессспорно, что одна художественная ситуация (приезд в деревню) противопоставлена другой ситуации (приезду в Петербург). Обе ситуации имеют определенный набор смыслов. В анализе уделяется внимание, с одной стороны, разнообразным значениям и атрибутам этих художественных ситуаций, с другой стороны, истокам ситуации приезда в деревню. Обе контрастных ситуации автор находит в «Мертвых душах» Гоголя. «Мертвые души» и статья Гоголя «Русский помещик» воспринимаются им как истоки уже разделившейся, самостоятельной, различной (славянофильской и западнической) версии ситуации приезда в деревню.

Йожеф Горегтий обращается к проблемам повествования в тех произведениях Миксата, темой которых является исчезающее венгерское дворянство. Анализируя повествовательные методы Миксата, автор старается раскрыть секрет анекдотичных рассказов венгерского писателя. Весьма обоснованным представляется упоминание

сказа в связи с установкой миксатовского рассказчика на устную речь. Конечно, этот вопрос подлежит дальнейшему исследованию. Не оставляется без внимания то, что с помощью повествовательного метода, выражающего неопределенность, Миксат создает своеобразный мир, действующий на основании мифологического мышления. Надо отметить, что автору удалось избежать социологизированного подхода, таким образом, проблема джентри освещается им согласно новейшим тенденциям.

Иштван Хетеши тоже касается проблемы джентри. В статье он занимается проблемой превращения дворянской усадьбы в миф. Желание понять, как воспринимается дворянская культура в венгерской и русской литературе, делает необходимым сопоставить произведения Тургенева с романом венгерского писателя, Элека Гожду. В результате анализа романа *Туман*, автору удалось указать на те моменты, в которых можно наблюдать тургеневские элементы. Сопоставляя художественные методы и созданные писателями миры и наблюдая их параллели и существенные различия, исследователь приходит к выводу, что в повестях и романах Тургенева совершается возведение усадеб в ранг дворянских гнезд, то есть в миф, а в романе Гожду происходит обратное.

В работе Юрия Гусева пишется о повести лидера так называемого народно-национального направления, Пала Дюлаи. В центре внимания автора стоит лишь судьба главного героя. В статье прослеживается, как усадьба становится олицетворением потерянного рая, а ее распад олицетворением апокалипсиса.

К изучению усадебной темы в творчестве Фета обращается Галина Аслanova. Русская усадьба стала значительной частью жизненного опыта поэта. То, что усадебный быт проходит через его лирику и отображен в его мемуарах, доказывается приведенными цитатами.

Общеизвестно, что в творчестве Андрея Белого мотивы дворянской культуры фигурируют уже начиная с первых произведений. В работе Каталин Сёке дается весьма основательный анализ именно символистской трактовки дворянской культуры в романе «Серебряный голубь». В этом многостороннем анализе уделяется внимание проблематике Востока и Запада, поэтике и мотивной структуре романа, процессу символизации, концепций главного героя, хронотопу и формам повествования. Автор раскрывает процесс мифологизации и стилизации дворянской культуры. При этом она указывает на то, что в изображении дворянской усадьбы много общего со стремлениями сепессиона в изобразительном искусстве. Наблюдения исследовательницы сводятся к следующему установлению: именно эта новая эстетика, а не историософские дилеммы определяют подход Белого к теме старины. Таким образом, данная статья вносит свой вклад в изучение интермедиальности.

Автор последней статьи предлагает вниманию читателя анализ изображения дворянской усадьбы в творчестве Булгакова. После 1917 г. мотив усадьбы почти исчезает из творчества русских писателей. Проблема неестественного конца русской дворянской культуры затронута в работе Наталии Куренной. Анализируя только с этой точки зрения повесть «Роковые яйца» и рассказ «Ханский огонь», она констатирует, что в них Булгаков создает своеобразную эпиграфию дворянской культуры.

Читателям сборника, в котором закреплены результаты конференций, становится ясным, что издание соответствует высоким научным требованиям. Не отрицая важность изданий подобного характера, следует сделать несколько критических замечаний. Хотя материалы раскрывают множество новых и чрезвычайно важных аспектов, к сожалению только в некоторых статьях модифицируются прежние интерпретации, зафиксированные в специальной литературе. Несмотря на это можно утверждать, что сборник заслуживает внимания исследователей и читателей, интересующихся как и венгерской так и русской культурой. Опубликованные статьи в значительной мере дополняют наши знания даже и в тех случаях, когда авторы только несколькими штрихами маркируют изученную ими проблематику. Рецензент надеется, что продолжаются разработка вопросов и более подробный анализ тех проблем, которые лишь косвенно упоминаются. С большим интересом ждем появления следующего сборника.

Жужанна Калафатич